

Аскербек А.А.¹

*¹Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан, РК*

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Аннотация

События по смене политических режимов конца 2003 года в Грузии, в 2004 году в Украине и в 2005 году в Кыргызстане называют «цветными» революциями. Они привели к последующим событиям: российско-грузинской войне и уголовным обвинениям в отношении президента Грузии Михаила Саакашвили; к концу политической карьеры революционного лидера Украины Виктора Ющенко, краху режима Виктора Януковича и гибридной войне Украины с Россией. А в Кыргызстане - к постоянной политической нестабильности. И в настоящий момент времени важна переоценка «цветных» революций, как важного урока для самих этих стран и для международного сообщества в целом.

В интерпретации самих цветных революций доминировали 2 общих подхода. С одной стороны, звучит критика агрессивного экспорта западных демократических стандартов на постсоветское пространство, спонсируемого США. С другой стороны, сторонники событий воспринимают их как спонтанные и подлинно демократические восстания, которые способствовали свержению авторитарных режимов и инициированные про-демократические изменения.

Ключевые слова: Цветные революции, постсоветские страны, смена политического режима

Аскербек А.А.¹

*¹ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
"Халықаралық қатынастар" кафедрасының докторанты
Нур-Султан, Қазақстан*

КСРО ҮДЫРАҒАННАН КЕЙІНГІ ТҮРЛІ-ТҮСТІ РЕВОЛҮЦИЈЛАР

Аннотация

2003 жылдың соңындағы Грузиядағы, 2004 жылы Украинада және 2005 жылы Кыргызстанда саяси режимдерді ауыстыру жөніндегі оқиғалар "түрлі-түсті" революциялар деп аталады. Олар келесі оқиғаларға әкелді: Ресей-Грузия соғысы және Грузия президенті Михаил Саакашвилиге қатысты қылмыстық айыптаулар; Украинаның революциялық көшбасшысы Виктор Ющенко, Виктор Януковичтің режимнің крахы және Украинаның Ресеймен гибриді соғысы. Ал Кыргызстанда-тұрақты саяси тұрақсыздық. Қазіргі уақытта "түрлі-түсті" революцияларды осы елдердің өздері үшін және жалпы халықаралық қоғамдастық үшін маңызды сабақ ретінде қайта бағалау маңызды.

Түрлі-түсті революцияларды интерпретациялауда 2 жалпы тәсіл басым болды. Бір жағынан, АҚШ-тың демеушілік жасайтын посткеңестік кеңістікке батыстық демократиялық стандарттардың агрессивті экспортының сыны естіледі. Екінші жағынан, оқиғалардың жақтастары оларды авторитарлық режимдерді құлатуға және бастамашылық жасаған демократиялық өзгерістер ықпал еткен кездейсоқ және шынайы демократиялық көтерілістер ретінде қабылдайды.

Түйінді сөздер: түрлі-түсті революциялар, посткеңестік елдер, саяси режимді ауыстыру

Askerbek A.¹

¹Eurasian National University named after L.N. Gumilyov

COLOR REVOLUTIONS AFTER DECAY OF THE USSR

Abstract

The events of the change of political regimes of the end of 2003 in Georgia, in 2004 in Ukraine and in 2005 in Kyrgyzstan are called “color” revolutions. They led to subsequent events: the Russian-Georgian war and criminal charges against Georgian President Micheil Saakashvili; towards the end of the political career of the revolutionary leader of Ukraine Viktor Yushchenko, the collapse of the regime of Viktor Yanukovich and the hybrid war between Ukraine and Russia. And in Kyrgyzstan - to constant political instability. And at the moment, the reassessment of “color” revolutions is important, as an important lesson for these countries themselves and for the international community as a whole.

The interpretation of the color revolutions themselves was dominated by two General approaches. On the one hand, there is criticism of the aggressive export of Western democratic standards to the post-Soviet space, sponsored by the United States. On the other hand, supporters of the events perceive them as spontaneous and truly democratic uprisings that contributed to the overthrow of autocratic regimes and initiated Pro-democratic changes.

Key words: Color revolutions, post-Soviet countries, change of political regime

Введение

«Революция роз» в Грузии, «Оранжевая революция» в Украине и «Революция тюльпанов» в Кыргызстане позволили многим исследователям в области политических наук сформировать на гипотезу о демократической волне, распространяющейся в бывшем Восточном блоке на постсоветском пространстве [1, с. 213]. Это развитие событий в сочетании с разочарованием революционными политическими элитами, политической радикализацией и авторитарными тенденциями в Грузии, Украине и Кыргызстане заставили многих наблюдателей сомневаться в революционном и даже в демократическом характере событий, прошедших в Тбилиси, Киеве и Бишкеке.

В интерпретации самих цветных революций доминировали 2 общих подхода. С одной стороны, звучит критика агрессивного экспорта западных демократических стандартов на постсоветское пространство, спонсируемого США. С другой стороны, сторонники событий воспринимают их как спонтанные и подлинно демократические восстания, которые способствовали свержению автократических режимов и инициированные про-демократические изменения.

Обзор литературы

Аналитики посткоммунистических перемен в Восточной Европе, часто видели в них скорее рекомбинацию политических структур и институтов, чем создание с нуля качественно новой политической системы [2, с. 135]. Так Т. Карозере считает, что Грузия в 2003 году, Украина в 2004 году и Кыргызстан в 2005 году являют собой примеры этой тенденции [3, с. 55]. Исходя из его наблюдений, идеал в виде демократической трансформации политического режима, достигнутой в результате революционного прорыва и последующего пути демократической консолидации, в реальности так и не будет достигнут. Анализ политических событий всех 3-х постсоветских государств выявил *«хаотическую реорганизацию политической реальности, одновременно сочетающую в себе про- и антидемократические тенденции со сдвигом в сторону авторитарных форм»*. Что в итоге для Грузии, Украины, и Кыргызстана породило бесчисленные политические трудности [4, с. 20].

Новый политический порядок, введенный в указанных постсоветских государствах после падения СССР, по сути, не являлся прямой демократией. Это была компиляция на основе трех параллельных процессов, ведущих к более или менее демократическим решениям, которые в настоящее время продолжают существовать в бывших странах Восточного блока, это:

1) Введение (не всегда гибко) широкого спектра западных демократических институтов вместо институциональных рамок советской эпохи.

2) Ссылка (иногда чрезмерно идеалистическая) на политические традиции советского стиля управлению, которые помогали подчеркнуть независимость от иностранного влияния.

3) Адаптация к новой политической среде - социальных и психологических механизмов и практик, привитых еще при коммунистическом правлении.

Таким образом, развитие новых политических систем было основано на сочетании существующих политических традиций и копирования западных институциональных решений с адаптацией к политической практике коммунистического государства [5, с. 154]. В контексте самих цветных революций это означает, что политические системы Грузии, Украины и Киргизии после 1991 года были сочетанием из: идеализированной памяти о суверенном прошлом, политической практики коммунистических времен и не всегда удачного внедрения западных институциональных решений.

Таким образом, постсоветская политическая реальность не является абсолютным разрывом с прошлым. Это, по сути, новая реальность, основанная на комбинации из западных стандартов, местных традиций и советского наследия.

При этом каждом случае существует набор из индивидуальных особенностей присущих каждому государству, это:

- проблема территориальной целостности в случае с Грузией;
- олигархическая структура элит в Украине;
- исторически сложившаяся клановость в Кыргызстане [6, с.117].

В целом каждая цветная революция была случаем смены режима, который вопреки ожиданиям представлял собой не системное изменение, а перестановку политических элит. В каждом случае обществом было продемонстрировано радикальное непослушание по отношению к правящему посткоммунистическому режиму. Однако после смены режима новые политические элиты придерживались существующих правил политической игры и адаптировались к существующей политической реальности, а не меняли ее. Это было возможно, потому что:

1) Место граждан в процессе принятия решений заняли другие политические субъекты, узурпировавшие роль политического суверена (президентские элиты в Грузии, олигархи в Украине, кланы в Кыргызстане).

2) Демократические институты были лишь фасадом, прикрывающем постсоветские механизмы, способствующие тогдашнему образу мышления (центральное положение президентских элит в Грузии, первостепенное значение равновесия между олигархами в Украине и между кланами в Кыргызстане).

3) Идеализированная память о независимости, смешанная с амбициями гражданского общества в условиях его медленного формирования. В каждом случае после всего лишь одного срока полномочий, все президенты 3-х рассматриваемых государств были раскритикованы за то, что они предали идеалы цветных революций.

Интерпретации цветных революций

В дискуссиях о цветных революциях чаще всего доминировали две общие интерпретации. Первая связана с эйфорической реакцией на гражданскую мобилизацию против авторитарных режимов. С этой точки зрения гражданское общество Грузии, Украины и Кыргызстана выступило против посткоммунистических авторитарных правителей. Другая интерпретация тесно связана с обвинениями в адрес западных стран (в первую очередь США) в экспорте революций в постсоветские государства, чтобы противостоять интересам Российской Федерации. С этой точки зрения события на самом деле были вдохновлены Западом, и в основном это констатация государственного переворота, спонсируемого США, цель которого - оттеснить сферу российского влияния. Такие радикальные различия в политических повествованиях свидетельствуют о первостепенной важности проблемы для двух вышеупомянутых геополитических лагерей на постсоветском пространстве.

Обе точки зрения имеют обоснованное право на существование. С одной стороны, сложно отрицать спонтанную природу действий грузин, идущих к зданию Парламента в Тбилиси, или роль оранжевого палаточного городка, разбитого посреди зимы в центре Киева, или киргизский народ, захвативший президентский дворец в Бишкеке. Однако массовая мобилизация не определяет демократический или гражданский характер последующих событий.

Трудно игнорировать тот факт, что революционные организации были поддержаны институтами, пропагандирующими западные стандарты демократии. Очевидно, что эти институты являются стратегически важной частью американской «мягкой силы». Однако также трудно согласиться с мнением о том, что Фонда Сороса или поддержки USAID было достаточно для мобилизации значительной части грузинского, украинского и киргизского обществ, а также для свержения режимов. При ближайшем рассмотрении создается впечатление, что оба подхода имеют право на существование.

В каждом конкретном случае цветной революции и без того сложные внутренние факторы совпали с не менее сложными событиями постсоветского пространства. В случае каждой цветной революции можно определить как минимум три общих элемента - фона для событий.

Во-первых, с 1991 года постсоветское пространство испытывало политическую конкуренцию между США и Российской Федерацией, наряду с растущим присутствием КНР и разным уровнем активности ЕС, Турции и Ирана. Российско-американское соперничество в европейской части бывшего Советского Союза или китайская экономическая экспансия в Центральной Азии стали естественным элементом политического фона для функционирования всего Восточного блока. Таким образом, не стоит удивляться факту совпадения интересов этих субъектов и политических изменений в государствах региона.

Во-вторых, постсоветское пространство слишком часто рассматривается как русифицированное или вестернизированное, европейское или азиатское. На самом деле постсоветское пространство - это амальгама, уникальное сочетание местных традиций, постсоветского наследия и западных идей. В каждом государстве региона баланс между данными составляющими несколько отличается, что приводит к множеству различных политических систем. Однако все они имеют общие корни, которые отличают их от любых других политических реалий и делают бесполезным сравнение их с американскими, азиатскими или европейскими стандартами.

В-третьих, все режимы постсоветского пространства должны были пересмотреть свои позиции в контексте мира после «холодной войны». Поскольку их потенциал для решения внутренних проблем, в частности экономических, зависит от их соответствия новой международной экономической реальности в контексте глобализации, где одним из наиболее ценных активов является доверие международных учреждений и организаций.

В результате большинство из них пытались структурировать свои институты таким образом, чтобы они наилучшим образом отражали ожидания международного сообщества. Однако принятый официальный порядок не всегда отражал функционирование новых режимов или реальные потребности государств, которые они представляли. Иногда это означало, что демократизация воспринималась как менее важная, чем формальное соответствие с быстро глобализующейся экономикой. Фактически, как постсоветские страны, так и международные институты часто были удовлетворены подобными «фасадными» изменениями, скрывающими сложность нерешенных проблем, оставленных прежней коммунистической системой.

Эти 3 элемента сделали постсоветское пространство сложным и трудным для понимания иностранцами, которые в значительной степени держались в стороне в течение сорока лет, прошедших между окончанием второй мировой войны и распадом СССР. Если объединить этот факт с динамикой экономических изменений и демократической эйфорией 90-х, то легко понять, почему, с одной стороны, остальной мир искал простые и доступные ярлыки, чтобы справиться с изменениями на постсоветском пространстве, с другой стороны, политические представители постсоветских государств были удовлетворены этими ярлыками. Прямая революционная интерпретация событий в Грузии, Украине и Кыргызстане не только узаконила новые режимы в сфере международных отношений, но и дала легкие и полезные объяснения международных событий, как их противникам, так и сторонникам.

Наконец, нельзя забывать о новых правящих элитах трех республик. М. Саакашвили, В. Ющенко вместе с К. Бакиевым сосредоточились на реорганизации инструментов власти в соответствии с их интересами. Их противники внутри и за пределами своих стран выдвигали многочисленные обвинения в эксплуатации революционных лозунгов для захвата власти и прекращения политической конкуренции. М. Саакашвили официально обвиняют в коррупции, В. Ющенко не смог выполнить ни одно из своих политических обещаний, К. Бакиеву после попытки монополизировать политическую власть в Кыргызстане пришлось бежать из страны и укрываться в Беларуси. Однако революционный имидж, даже не поддерживаемый революционными изменениями, помог новым режимам безупречно установить контакты с международной средой и расширить иностранную финансовую помощь, которая оказалась жизненно важной для расширения их экономики. Тот факт, что только Грузия смогла использовать его эффективно, является предметом еще одной дискуссии. Цветные революции в Грузии, Украине и Кыргызстане раскрыли скрытые механизмы государственной и олигархической модели капитализма на постсоветском пространстве.

Цветные революции также показали, что возможность получения иностранной финансовой поддержки имеет решающее значение для политической стабильности. Молодые оппозиционные

политики в Грузии в лице М. Саакашвили, западноукраинские политические и деловые элиты в лице В. Ющенко и южные кланы Кыргызстана во главе с К. Бакиевым боролись за общественные активы, доступные только правящей элите.

Называть революциями события в Грузии, Украине и Кыргызстане, было удобно в качестве объяснение для каждого актора, заинтересованного в продвижении своих собственных интересов на постсоветском пространстве, в то время как результаты были революционными исключительно в самом названии. Революционная интерпретация была полезна как для западных сторонников перемен (для расширения зоны влияния), так и для пророссийских антагонистов режима (поскольку это дало удобное объяснение их провала в регионе из-за западной экспансии) и для новых политических элит (они были единственными, кто смог заполнить политическую пустоту, оставшуюся после краха посткоммунистов).

Тем не менее, все как, оказалось, упустили из виду последний элемент головоломки – гражданское общество, которое оставаясь без какого-либо внимания. Как показывает современная история, последствия хоть и не были быстрыми, но в конечном итоге оказались неизбежными.

Выводы и дальнейшие перспективы

Политические изменения в Грузии, Украине и Кыргызстане раскрывают все еще активные геополитические и экономические процессы, которые сильно влияют на реальность постсоветского пространства, хотя их редко замечают иностранные наблюдатели. Новые правящие элиты развивали свои позиции на основе революционной социальной мобилизации. Несмотря на конфликт с Россией, Грузия зарекомендовала себя в качестве важного западного союзника на Кавказе. Сегодня это одно из самых благоприятных для бизнеса государств в регионе.

Конфликт между Россией и Украиной показывает, что социальная несогласованность между украинскими политиками и украинским обществом привела к неспособности Киева быстро и адекватно отреагировать на аннексию Крыма, и теперь крайне сложно дать прогноз, когда этот спор будет урегулирован.

Революция тюльпанов раскрыла глубокую раздробленность кыргызского общества. Первоначально К. Бакиеву удалось заручиться поддержкой иностранных держав, но он оказался не в состоянии сбалансировать интересы кланов и требования общества. Его правление не пережило один президентский срок и закончилось политическим хаосом и этническими столкновениями.

Демократические революции в Грузии, на Украине и в Кыргызстане продемонстрировали сложную реальность постсоветского пространства. В краткосрочной перспективе для Запада это был успех, для России это стало поводом для легитимизации авторитарного поворота.

Таким образом, интерпретация событий как революций оказалась полезной для международных участников, вовлеченных в постсоветскую политику, а также для новых постреволюционных режимов. Однако в долгосрочной перспективе последствия для общества, от которого отказались политики, могут быть гораздо важнее, чем результат политического соревнования между Западом и Российской Федерацией. Чем больше времени проходит с момента трех цветных революций, тем более спорными и неоднозначными кажутся их результаты и долгосрочные последствия.

Демократический образ протестов все еще только трансформируется в демократические перемены. В течении нескольких лет демократические идеалы исчезли, а революционеры консолидировали свои силы и выбрали авторитарный путь. В результате чего М. Саакашвили у себя на родине обвинен судом в злоупотреблении властью, и чтобы избежать уголовного преследования он выехал из Грузии. В. Ющенко проиграл В. Януковичу и запомнится в политической истории Украины как пример полного политического провала. К. Бакиев сам был свергнут очередным восстанием и вынужден был бежать из своей страны.

Грузия сделала шаг назад в контроле над собственной территорией. Политика Украины впала в смятение, поскольку страна подверглась нападению извне, и ее режим не смог договориться со своими гражданами. Кыргызстан пережил еще одну серию вспышек этнического и политического насилия и является примером хронического политического, социального и экономического кризиса. Видение демократических цветных революций было полезно в краткосрочной перспективе. Новые правящие элиты пришли к власти, а Запад и Россия реорганизовали свои зоны влияния. Государственные институты, не получив поддержки, оказались слишком слабыми, чтобы противостоять растущим вызовам в области экономики и безопасности. Грузия и Украина

столкнулись с военной угрозой России - на этот раз сильнее, чем когда-либо. Кыргызстан рухнул в нестабильность.

Аннексия Крыма и война в Восточной Украине, потеря Грузией Южной Осетии и Абхазии, зависимость Кыргызстана от российской помощи доказывают, что было слишком рано для объявления победы четвертой демократической волны. Без получения гражданской поддержки, которая была потрачена впустую после 2003 года в Тбилиси, 2004 года в Киеве и 2005 года в Бишкеке, Грузии, режимы Украины и Кыргызстана часто не могут убедить даже своих собственных граждан поддержать их. В долгосрочной перспективе это может превратить рассматриваемые страны в полностью зависимых от геополитического соперничества таких игроков, как: Россия, США, ЕС и КНР.

Список использованной литературы

1. Авиуцкий В. Бархатные революции // Арманд Колин, Париж, 2006,- с.388.
2. Станишкис Я. Посткоммунизм. Попытка описания // Слово, Образ, Территория, Гданьск. 2005, - с.421.
3. Каротерс Т. Обратная реакция на продвижение демократии // Форрейн Эффейрс, № 2., 2006, - с.294.
4. Каротерс Т. Парадигма конца переходного периода // Журнал демократии, № 13. 2002, - с.160.
5. Бодио Т. Психологические условия системной трансформации в Польше // Общество и политика. Основы политических наук, К.А. Войташич, В. Якубовский (ред.), Aspra-JR, Варшава, 2012, -с.247.
6. Козловский К. Цветные революции // Полтекст, Варшава. Цветные революции на постсоветском пространстве: иллюзия и реальность постсоветского пространства. 151 № 4 (12) 2016, - с.355.

References:

7. 1. Avutsky V. velvet revolutions / / Armand Colin, Paris, 2006, p. 388.
8. 2. Stanishkis YA. Post-Comunism. "I don't know," he said. 2005, p. 421.
9. 3. Carothers T. reaction to the promotion of democracy / / Forrain Effeirs, No. 2, 2006, p. 294.
10. 4. Caroters T. Paradigm at the end of the transition period // Journal of democracy, No. 13. 2002, p.160.
11. 5. Bodio T. Psychological conditions of systematic transformation in Poland // society and politics. Fundamentals of political science, K. A. Voitashchik, V. Yakubovsky (Ed.), Aspra-Jr., Warsaw, 2012, - p. 247.
12. 6. Kozlovsky K. Tsvetnye revolutionsii / / Poltex, Warsaw. Color revolutions in post-Soviet space: illusion and reality in post-Soviet space. 151 No. 4 (12) 2016, - p.355.